

—6 октября 1972 года моя младшая сестра Милочка вышла замуж за Павла Лукина. Милочке тогда ещё не исполнился двадцать один год, а Павлу было двадцать восемь, и нашей маме он казался чересчур зрелым для Милочки. К тому же, увы! - это был не первый его брак. К Милочке он ушёл от жены, которую оставил с четырёхлетним сыном. Это тоже не добавляло маме восторга от своего второго (после Жорки) зятя. Впрочем, с женой он фактически уже не жил к моменту знакомства с Милочкой, но сути это не меняло.

—Детали истории Милочкиного замужества мне неизвестны, происходила она в далёком Севастополе, и узнал я обо всём лишь в общих чертах от мамы, которая при всей своей обычной разговорчивости не очень вдавалась в подробности в этом случае; похоже, что они были не слишком приятным для неё воспоминанием. С Павлом же я познакомился, так вышло, лишь года через два после свадьбы, прошедшей без обычного съезда родственников.

Милочка и Павел, Севастополь, 6 октября 1972 г.

—Милочка, как младший ребёнок (младше меня на восемь и Любы на шесть с половиной лет), была любимицей и у мамы, и у папы, болезненным в детстве и несколько вялым (по сравнению со мной и с Любкой), но мечтательным и ласковым ребёнком, очаровательной симпатяшкой, ставшей в юности нестандартно привлекательной. Из нас, детей, она больше всех соответствовала своей грузинской фамилии по внешнему облику, вот только волосы не чёрные, как у нас с Любкой, а русые, в детстве даже светлые, зато нос прямой и брови резко вычерченные, лицо чуть удлинённое и очень красивые серые глаза. После того как старшие дети покинули отчий дом и обзавелись вскоре своими семьями, на Милочке сосредоточились все заботы наших родителей (не забывавших, конечно, и старших детей, а в особенности внуков, но всё-таки те жили в других городах, лишь летом, в отпуске съезжаясь в Крым "на дачу").

—В старших классах, уже живя в Севастополе, Милочка переболела первой романтической любовью к однокласснику Саше Богданову с настоящими страданиями,

которые изрядно поволновали нашу маму. В 1969 году Милочка поступила в Севастопольский приборостроительный институт и благополучно доучилась до третьего курса, никем особенно не увлекаясь. Милочка потом объясняла это отсутствие увлечений тем, что парни из её окружения казались ей серыми, неинтеллигентными, невыгодно отличающимися от учёных брата и мужа сестры, то есть от нас с Жоркой.

—И вот тебе - на! Явился Павел и покори́л мою сестрёнку, причём выделялись в нём скорее мышцы (занимался штангой), чем интеллект. Правда, внешне он многим походил на нас с Жоркой - тоже очкарик, темноволосый, короткая стрижка, пропорциональное телосложение, а раздевшись - вообще Аполлон (у Жорки, кстати, тоже мускулатура прекрасная - гимнаст, тут я им обоим не конкурент). Мама уверяла, что Павел вскружил Милочке голову именно благодаря внешней похожести на нас с Жоркой. Может, доля истины в этом и есть.

—Так или иначе, но, примитивно подъехав к Милочке на пляже, где его атлетическая фигура смотрелась во всей своей красе особенно выгодно, Павел сумел завязать с ней знакомство (и главное, в тот день с Милочкой на пляже были и мама, и тётя Люся, а вот не углядели!). А дальше - при Павловой-то мужской опытности - события развивались быстро, и всё было бы ничего, но ведь Павел был женат! Это-то больше всего угнетало и Милочку, и нашу маму. Семья его жила в Гатчине, где работал (на заводе "КрИзо") и сам Павел, а в Севастополе он оказался в командировке - устанавливал и налаживал радиоаппаратуру на военных кораблях. Милочкой Павел увлёкся серьёзно, с женой развёлся, а это, естественно, оказалось не простым и быстрым делом, и женился на моей сестре, когда та уже была в положении от него. Свадьба, разумеется, была скромной.

—Не о таком, конечно, варианте замужества своей младшей дочери мечтала мамочка, не о таком зятё... Но что поделаешь? И ведь со свадьбой далеко не все вопросы разрешались. Будет ребёнок, а как институт? Где будут жить молодые - в Гатчине или Севастополе? Решили - пока в Севастополе, у наших родителей. На работе Павел сумел устроиться так, чтобы большую часть времени находиться в командировках в Севастополе. По своей специальности Павел мог помочь Милочке с учёбой в институте, с этой целью он настоял на переходе Милочки на факультет радиоэлектроники. Сам он кончал сначала техникум, а потом вечернее или заочное отделение какого-то института, какого - не знаю точно. Было неясно, как поладят Павел и наша мама, ревниво и пристрастно относившаяся к нему, не разочаруется ли в муже Милочка? В маминых письмах звучала тревога...

—В декабре 1972 года приезжал в гости к нам в Ладушкин дядя Гриша - старший брат Сашулиного отца, Николая Степановича, моего тестя, на него, кстати, мало похожий. Волосы сохранились ещё, чёрные, вьющиеся, в лице что-то цыганское, глаза чуть раскосые. Больше похож не на мать свою - бабу Феню, а на тётку - бабу Дусю. Во время войны побывал в плену, на Алтай не вернулся, осел в Донбассе, работает фельдшером в Марьинке Донецкой области, дочь замужем - Лариска, Сашулина двоюродная сестра, внук.

—Бабушка Феня в это время тоже жила у нас, приехала на очередную зимовку. Она очень радовалась приезду сына, с которым я до сих пор ещё не виделся, да и Сашуля редко встречалась. Дядю Гришу я возил в Калининград, катал по окрестностям Ладушкина на мотороллере, благо погода была очень тёплая, сухая, больше похожая на октябрь, чем на декабрь. На мотороллере ездили мы с ним за вялеными лещами в Ушакове, закупили десять штук по рублю - полтора в зависимости от размера. Дядя Гриша очень радовался - рыбу у них в семье все любят, но сохранить и довести лещей не удалось - затухли; не догадались их выпотрошить сразу.

—Ходили как-то с дядей Гришей, Сашулей и Иринкой на Лебедино (турбазу только строили тогда), я брал летние удочки и в канальчике ловил плотву. Дяде Грише у нас очень понравилось. Правда, потом я узнал от бабушки удивительную вещь - он стеснялся

пользоваться у нас туалетом (совмещённым с ванной) и бегал по нужде в лес! Привык жить с туалетом во дворе...

— Начала сезона зимней, подлёдной рыбалки я в этот раз ожидал с особым нетерпением. Ещё в начале осени Лида Фурник привезла мне из Житомира материал, из которого тамошние рыбаки делают блёсны, а прямым назначением которого является изготовление зеркальных шкал для измерительных приборов, - никелированные с одной стороны латунные пластины. Проконсультировавшись у самого опытного из ладушкинских рыбаков - нашего обсерваторского кочегара Абизова, я настряпал из этих пластин достаточное количество блёсен самых разных размеров, благо резались эти пластины ножницами для жести неплохо и хорошо паялись с латунной стороны киловаттным паяльником. Крючки, правда, я поначалу напаял мелковатые, 16-й номер, большие размеры были дефицитны, да я и не придавал этому особого значения. Потом уже, накопив собственный опыт, понял, что для судака оптимальным является крючок, точнее уж, крюк, не менее восемнадцатого, а лучше всего двадцатый номер. Более мелкие крючки и ломаются чаще и засекают хуже, их легче выплюнуть судаку.

— Итак, блёсны были готовы, дело оставалось за льдом. Эх, сколько дней в течение многих сезонов я провёл в унынии и нетерпении, ожидая ледостава и взирая с тоской на небо, по которому тучи мчались с запада на восток, не предвещая морозов. Но они всё же рано или поздно приходили (был лишь один пока на моей памяти сезон, когда заливы вообще не замерзали). В этот раз сезон начался после Нового года, где-то в январе.

— Судаки на мои новые блёсны поначалу что-то не очень ловились. Это уж позднее, через зиму или две я нащупал оптимальный вариант формы и размера блёсен и крючков. А может, просто ловить научился. В этот же сезон запомнилась мне рыбалка с Тихоновым и Цариком. Лёд был слабый, на мотоциклах по нему ездили только отчаянные.

Отправился я на ту рыбалку один, пешком. На берегу встретился со знакомыми мужиками из нашего дома - директором зверосовхоза Юрием Тихоновичем Тихоновым и Николаем Цариком, тоже работавшим в зверосовхозе. Оба - рыбаки заядлые и опытные, обычно по льду ездят на мотоциклах - Царик на своём, а Тихонов - кто возьмёт, ну, а тут как все, пешком собрались. Предложили мне с ними пойти за компанию. Я, разумеется, согласился, поскольку и мест судаковых как следует ещё не знал, да и веселее втроём-то.

— Отойдя от берега километра три в сторону Светлого ("под трубы", то есть в направлении громадных и почти отовсюду видных на заливе труб Светловской ГРЭС) начали вести разведку боем: долбили лунки (я, кстати, обзавёлся к этому времени собственной пешней, разборной, из трёх свинчивающихся колен, легковатой, но ничего), рассаживались треугольником в нескольких десятках метров друг от друга и пробовали блеснить. Сидели так в каждом месте по полчаса - сорок минут. Не клюёт - двигаемся дальше, перемещаясь в западном направлении, к маяку.

— День клонился уже к концу, а у нас никто ещё не почувствовал поклёвки. От берега мы ускакали уже далеко, надо было думать о возвращении. И тут, наконец, Царик поймал судака, через несколько минут второго, потом третьего... Судаки клевали и ловились у него на все заброшенные удочки - две судаковые и две корюшкинские. А у нас с Тихоновым - ничего. Мы, конечно, начали перемещаться поближе к Царику и кончили тем, что расположились в двух-трёх метрах от его лунок. И всё равно - у него клюёт, а у нас - ничего! Была, правда, у меня одна поклёвка, и то не смог подсечь. За каких-нибудь полчаса Царик поймал одиннадцать судаков от семисот граммов до двух с половиной килограммов весом каждый (в основном же кило двести - кило пятьсот, стандартный размер), а мы с Тихоновым так и остались на нулях.

— Солнце уже садилось, перестало клевать и у Царика, надо было двигать домой. Царик дал нам с Тихоновым по паре судаков, чтобы не обидно было, и мы отправились к берегу. А надо сказать, что у меня к этому сезону не только пешня и блёсны новые появились. Ещё весной бабушка уговорила меня купить в Ладушкинском универмаге овчинный

полушубок за пятьдесят пять рублей. Я, дурак, тогда ещё колебался - стоит ли, не дорого ли; мода на дублёнки, тулупы и полушубки тогда ещё только зарождалась в столицах, на рыбалки я ходил в ватнике, пододевая тёплую рубаху и свитер, и вроде бы не мёрз. Однако полушубок купил всё-таки. Купил себе и валенки с галошами, а Стасик Тихомиров подарил мне ватные штаны.

— Во всём этом одеянии я прекрасно чувствовал себя на льду у лунок, мог даже лежать на льду, не ощущая холода, но зато быстро ходить в нём было тяжеловато. Тихонов же с Цариком были одеты легче, к тому же валенки, а Тихонов и тулуп, они носили в рюкзаках, по льду шли в ботинках, а уже на месте ловли переобувались. Царик, правда, пёр на себе судаков килограммов на десять, но такая ноша не угнетает, наоборот, сил придаёт. Поскольку уже темнело, темп хода мы взяли приличный. По льду я шёл ещё более или менее бодро, а вот когда уже вышли на берег и, не сбавляя темпа, потопали оставшиеся три с половиной километра от Берегового до Ладушкина, мне казалось, что к ногам у меня привязаны гири, а к спине - печка. Страшно хотелось пить, а ещё больше - есть или лечь.

— Ввалившись в дом, я еле добрался до дивана и плюхнулся на него, не в силах самостоятельно стащить с себя валенки, штаны и всё прочее. Помогала мне бабушка. Вся одежда моя изнутри насквозь промокла от пота, как меня тепловой удар не хватил? Переоделся в сухое, выпил рюмку самогонки, поел, напился чаю - и отошёл, все неприятные симптомы усталости исчезли, осталась одна тёплая истомка... Хорошо... А что судаки не мной пойманы, я тогда не сознался. Позже уж рассказал, как на самом деле всё было.

— Иногда я ходил на рыбалку вместе с Геней Бирюковым, но это если недалеко и ненадолго; у Гены не было подходящей экипировки, и он не любил мёрзнуть. Рыбалкой он азартно не увлекался, но иногда был не прочь прогуляться по заливу, если погода хорошая. И ему, между прочим, везло на судаков. Умудрялся их подцепить без особых стараний совсем недалеко от берега, чуть подальше мест, где обычно корюшку ловят. Как-то раз рыбачили мы с ним и с Иринкой (она уже в шесть лет на зимней рыбалке бывала) напротив "Берегового". Мы с Иринкой следили за удочками на корюшку, и у нас не клевало, а Гена рядом прыгал в своих ботиночках и махал, чтобы согреться, одной моей судаковой удочкой, кое-как сделанной (это было уже после того, как лучшую удочку утащил под лёд судак у Сашули). Ну, вот, махал он, махал - и выдернул судака.

— Иринка на меня рассердилась, что мы не тем занимаемся - надо судаков ловить, вон, как дядя Гена. "Да это он случайно", - утешал я её. - "Вообще-то здесь судаков не ловят, они на глубине держатся". А тут Гена как заорёт: "Ушёл, гад!" Это у него второй клюнул. Гена резко подсёк, сломал удилище, а когда перехватил леску, судака уже не было - сошёл. Теперь на меня Гена накинулся, что подсунул ему гнилую удочку, а такой судак был. Иринка же, похоже, больше огорчилась бы, если бы дядя Гена и второго судака вытащил.

— В тот день, помню, Иринку забрали домой на мотоцикле знакомые мужики из санатория, которым Гена заведовал (шофера или кочегары), а мы с Геней топали обратно пешком...

— А как-то раз и мне повезло: ловил корюшку у Берегового в основной толпе рыбаков (по этой толпе всегда можно определить место, где корюшка ловится, а вот судачники разбредаются по всему заливу по два-три в кучке или вовсе поодиночке) и просто так, от делать нечего - клевало плохо, сунул в одну лунку судаковую удочку, уже из новых, с зеркальной блесной, маленько поблеснил, а потом положил удилище и оставил блесну с наживкой - корюшкиной головой - висеть надо дном. Сам же занялся корюшкинскими удочками, пробовал менять глубину и обнаружил, что корюшка клюет не со дна, как обычно, а с полводы, как говорят, то есть с глубины примерно в метр ото дна. Потом клёв и с этой глубины прекратился, я отошёл от своих лунок, чтобы посмотреть, что у других делается: и у остальных затишье, а когда, возвратясь обратно, бросил взгляд на лунку с судаковой удочкой (до неё было метра четыре), увидел, что поплавок в лунке пляшет.

Опрометью бросился я туда, схватил удилище, подсёк - есть, идёт гад! Здоровый! И на лёд вывалился судак килограмма на два с небольшим. А на глубине в этот день судак почти не брал, и возвращавшиеся судачники пялили глаза на моего судака и не верили, что я его здесь поймал.

— Такие случаи, конечно, редкость. Сколько я потом ни ставил судаковые удочки в корюшкинских лунках на глубинах около двух метров, ни разу больше такие крупные судаки мне здесь не попадались. Недомерки в полкило весом - бывало, да налимы под весну, а за нормальным судаком, в килограмм и более весом, приходилось честно топтать под маяк или под трубы за пять - восемь километров от берега, если, конечно, не было возможности на чём-нибудь подъехать.

— И ещё, возвращаясь к Гене Бирюкову, вспоминается рыбалка, когда мы с ним напросились в пассажиры на мотоцикл с коляской шофёра его санатория, пожилого уже мужика. Ловили недалеко друг от друга. Днём я поймал одного судака килограмма на полтора, и вокруг моментально собралось несколько человек из проходивших мимо искателей удачи методом перемены мест, пока я покуривал, переживая свой успех. Один из подошедших обратил моё внимание на покачивание поплавка в лунке, про которую я как-то и забыл, там у меня тоже удочка была заброшена. Я потащил и вытянул второго судака, небольшого, правда, меньше килограмма. Все зрители моментально разбежались долбить лунки и блеснить, но клёв как отрезало, и пришельцы двинулись дальше. Гена, как всегда, одет был легко, мёрз, и, чтобы согреться, надолбил лунок по большому кругу и бегал по нему от одной лунки к другой. И вот таким способом, уже к вечеру, он за каких-нибудь полчаса вытащил трёх мерных судаков по два кило каждый. Сидевшие же в центре этого круга я и шофёр не поймали ничего, но у меня-то хоть была дневная добыча, самый же опытный из нас остался вообще пустым.

— Но надо, пожалуй, отвлечься от зимних рыбалок. Ведь не только из них состояла жизнь. Рыбачил-то я обычно лишь по субботам, реже в оба выходных, да и сезон не каждый год дольше чем на два месяца растягивался. Основное время, как и у всех, тратилось на работе.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)